

Нарративные стратегии в романе Натаниэля Готорна «Алая буква»

Сафарова Зера Адиль-Гареевна

кандидат филологических наук

старший преподаватель, кафедра английской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет

295049, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Достлук, 14

✉ zerochka@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

Аннотация.

Автор подробно рассматривает такие аспекты как особенности творчества Натаниэля Готорна, а именно его роман "Алая буква". Также объектом исследования является синтетическая структура романа, его историческое и психологическое содержание. Дается характеристика главных героев, их цели и действия, особенности повествования, такие как краткость и лаконичность описываемых событий, "скользящая" авторская позиция, проявляющаяся в непостоянстве изображаемых событий, в отношении оценок, в жизненных целях главных героев, степени воздействия на самого читателя. Методологию исследования составили биографический, формальный и историко-теоретический методы, а также контекстуальный и культурологические принципы исследования. Особым вкладом автора в исследование темы является попытка анализа повествовательных стратегий Натаниэля Готорна, их отображение в романе "Алая буква". Выводы, к которым пришел автор, это краткость стиля писателя, его (писателя) неоднозначное субъективное отношение к героям своего романа, историческая и психологическая природа романа.

Ключевые слова: роман, повествование, психологизм, исторический, структура, лаконизм, персонаж, сюжет, события, рассказ

DOI:

10.25136/2409-8698.2018.3.27405

Дата направления в редакцию:

14-09-2018

Дата рецензирования:

18-09-2018

Натаниэль Готорн — яркий представитель американской литературы. Классик XIX века, писатель-романтик. Натаниэль Готорн — один из крупнейших авторов эпохи романтизма

в США, в том периоде, который имеет общее название «американский Ренессанс». Особенно в этот период, согласно мнению ученых историков американской литературы, отечественных и зарубежных, произошло формирование государственной литературы США, закладывались основные принципы американской эстетической идеи, формировалась тематика, концепция жанровых и поэтических форм [\[2, С. 17\]](#).

«Алая буква» — это синтетический роман, соединяющий в себе различные черты, такие как: история, нравописание и психология. Это роман который имел совершенную новизну, эстетика и принципы полностью были преобразованы. Главными темами являются: тема греха, нетерпимость общества, чувство вины и человеческие достоинства.

Исторический роман в тот период не был чем-то новым. Наоборот, он являлся одним из более распространенных жанров в американском романтизме. Начало историческому роману положил Купер произведением «Шпион» в 1821 году. Общество обратило большое внимание на исторические романы Д.П. Кеннеди, У.Г. Симмза, Д.К. Полдинга, К. Сэджуик, Д. Нила и др. Хотя и «Алая буква» была художественным открытием, так как представляла исторический роман нового вида, в котором все прошлые эстетические параметры и принципы подверглись значительному преобразованию [\[6, С. 117\]](#).

Современникам «Алая буква» должна была показаться «странным» романом, необычным со всех точек зрения. По сей день роман потрясает читателей структурным лаконизмом. В ней толком не присутствует фабула, а образная организация ограничена строгим «четырёхугольником».

Общеизвестную историю главного героя не трудно изложить практически в нескольких строках: молодая англичанка по имени Гестер Прин была замужем за пожилым ученым-врачом, который решил переселиться в Бостон. Сначала отправил Гестер одну, а сам должен был закончить свою работу и отправиться за ней. Но через некоторое время врач отправился в путешествие и несколько лет не было о нем никаких вестей, Гестер — то ли вдова, то ли жена — которая совершила огромный грех. Она влюбилась в молодого пастора и вскоре родила от него ребенка. Из-за этого, в соответствии с жесткими пуританскими соображениями и законами, ей пришлось понести безжалостное наказание — сидела в тюрьме, была выведена к позорному столбу на эшафоте, а после обречена была носить на груди алую букву — символ греховности и позора, до конца своих дней. У молодого пастора Артура Димсдейла не хватало духа сознаться в собственном согрешении, и он до самой смерти мучился от угрызения совести и сознанием тайного греха. Обманутый супруг, появился неожиданно в Бостоне тогда, когда Гестер была подвергнута публичному наказанию. Он посвятил остаток жизни на то, чтобы найти парня, с которым она изменила ему, а потом на месть. После того, как умирает возлюбленный и супруг, Гестер с дочерью Перл покинула Бостон и уехала в Европу. Уже будучи в пожилом возрасте вернулась в Бостон, где и провела остаток жизни, совершая добрые поступки. Это, непосредственно, и есть вся история. Однако, даже Готорн использовал только незначительную часть. Действие романа начинается сценой у позорного столба и завершается сценой смерти священника. Обо всех остальных деталях докладывается мимолетно, в исключительно информативном порядке.

Готорн ведёт повествование размеренно, подробно прописывая исторические декорации, в манере, напоминающей Вальтер Скотта. Но, в отличие от Скотта и других романтиков, он далек от идеализации прошлого и эскапизма (индивидуалистическо-примиренческое стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий, фантазий), с максимальной серьёзностью разглядывая социальные, психологические и

нравственные проблемы [\[6, С. 117\]](#).

На столько же жестким лаконизмом характеризуется и образная концепция романа. Готорн формирует четыре важных психологических «портрета» — Гестер Прин, пастор Артур Димсдейл, врач Роджер Чиллингуорт и маленькая Перл Прин. Нравственно-философское содержание «Алой буквы» показано в большей степени посредством их отношений. Другие герои появляются в повествовании на короткий период времени, не поддаются детальной характеристике и существуют, как правило, лишь для иллюстрации какого-либо отвлекающего действия.

В «Алой букве» читатель встретит и просто «картинки», и «сцены-картинки», и они вправду живописны и умело сбалансированы. Однако Каули едва ли прав, когда поясняет характерные черты образной структуры романа привычкой Готорна к жанру рассказа, которая «не давала ему непрерывно развивать действие». Несомненно, что автор построил свое творение так, как того требовал идейно-художественный замысел [\[3\]](#).

Общее построение «Алой буквы» непременно различается уникальной простотой, ясностью и краткостью, это видно уже из оглавления. В определенных главах интерес писателя полностью сосредоточен на одном из персонажей: "Перл", "Врач", "Пастор не спит", "Еще раз Гестер", "Пастор в смятении"; в других — автор соединяет своих персонажей попарно: "Свидание", "Врач и больной", "Гестер и врач", "Гестер и Перл", "Пастор и прихожанка"); а в третьих — герои сталкиваются с внешним миром, с социальной средой: "Рыночная площадь", "У губернатора", "Праздник в Новой Англии", "Шествие", "Тайна алой буквы". Подобная организация повествования позволяла Готорну наилучшим образом вскрыть мотивы человеческих поступков, показать силы, управляющие индивидуальной и социальной нравственностью, продемонстрировать законы, коим подчинена деятельность человеческого сознания и психики.

Судьбы главных героев и их отношения друг с другом связаны в крепкий узел грехопадением Гестера. Сам акт грехопадения не вызывает у автора никакого интереса. Оно нужно если только в качестве действия, результатом которого представляет сознательная либо бессознательная вина героев. Гестер Прин и Артур Димсдейл виновны в том, что свершили грех. Их дочь маленькая Перл — в том, что она «дитя греха», Роджер Чиллингуорт — в том, что самовольно решил взять на себя миссию, которая присуща лишь Богу, или же церкви и правосудию. Грехопадение — изначальная точка, от которой мы видим начало нравственных и психологических процессов в сознании всех персонажей, характеризующие их индивидуальное и социальное поведение. Они же и ставят цель художественного исследования в романе.

Священник Димсдейл — наиболее обычный случай. Человек умный, даже талантливый и, без сомнения, приятной внешности. У него хорошие качества: чистая душа, доброе сердце, способное любить. Проблема его — в бессилии, отдавшей его разум в главенство строгих постулатов пуританской догматики. *"He looked now more careworn and emaciated than as we described him at the scene of Hester's public ignominy; and whether it were his failing health, or whatever the cause might be, his large dark eyes had a world of pain in their troubled and melancholy depth."* [\[2\]](#). (Он казался еще более измученным и исхудалым, чем во время описанной нами сцены у позорного столба, и потому ли, что его здоровье пошатнулось, по другой ли причине, но в беспокойной и печальной глубине больших черных глаз молодого священника таился целый мир страданий.) [\[1\]](#).

Священник откровенно уверен, что переступил не только социальный закон, но и божеский. Единственным путем для его спасения было публичное раскаяние и открытый позор. Но он не мог на это решиться. Он вел святую жизнь, стараясь скрыть свой грех, и из-за этого его все-время мучила совесть. Он — грешник, учил своих прихожан совершенству по законам Библии. Это психологическое противоречие старался подчеркнуть Готорн, оно состояло в том, что нераскаявшийся грешник оказался одним из лучших проповедников, чем просто святой человек.

«His nerve seemed absolutely destroyed. His moral force was abased into more than childish weakness. It groveled helpless on the ground, even while his intellectual faculties retained their pristine strength, or had perhaps acquired a morbid energy, which disease only could have given them .»^[7].

Популярность Димсдейла возрастала, и он сам становился живой легендой. Образ его, в глазах общества, был охвачен нимбом непорочности, и это только повышало его страдания. Автор великолепно описывает диалектику страдания, порожденную нечистой совестью. В конце Готорн дает выбор нескольких разновидностей морального урока, который могли бы извлечь из грустной истории пастора Димсдейла его друзья и почитатели. Для самого автора и для его современников важен был только один, важный, бесспорный вывод: «Говори правду! Говори правду! Говори правду!»^[1].

В самой обстановке обмана, пустословия, находившемся в американской политической и общественной жизни середины XIX века, обращение автора звучало как тревога. А повествование о бедном пасторе оценивалось как клинический анализ оснований и факторов, под влиянием которых открытый, добропорядочный, честный, сердечный и благородный человек обернулся лжецом и лицемером. Данная история учит одному: не показывать свою беспомощность, не позволять себе лгать. Правда всегда лучше лжи и лицемерия; лучше для тебя, для общества, для человечества ^[6, с. 117].

Повествование о Роджере Чиллингуорте содержит другой смысл и иную мораль, но точно также прочно связана с современностью, как и судьба Димсдейла, несмотря на то, что Готорн до сих пор не использует прямолинейность и однозначность. Чиллингуорт — «злодей» в «Алой букве», но злодей не дьявольский, не подчиняющийся злу. План Чиллингуорта, безусловно, не обладал мировыми масштабами. Он стремился только поймать и наказать соблазителя его жены.

Роджер — мудрый, образованный, полезный обществу человек, перед началом расследования, надеялся, что будет вести его «с честным и суровым беспристрастием судии, стремящегося к истине... Однако чем дальше он заходил, тем больше им овладевало это влечение, жестокое, холодное и неизбежное, которое не отпускало старика до тех пор, пока он не осуществил всех его приказов». ^[1]. Если говорить другими словами, он стал фанатиком. Им овладело своего рода безумство, в котором рассудок и познание не пропадают, однако обращаются на достижение безумной цели. На этом этапе погибает личность самого Чиллингуорта, который целиком теряет человеческое преимущество, умение любить и сострадать. Именно человечность покидает его сознание. Как говорится в романе, он начал заниматься дьявольскими делами и непосредственно сам перевоплотился в дьявола.

"He was small in stature, with a furrowed visage, which as yet could hardly be termed aged. There was a remarkable intelligence in his features, as of a person who had so cultivated his mental part that it could not fail to mould the physical to itself and become

manifest by unmistakable tokens. Although, by a seemingly careless arrangement of his heterogeneous garb, he had endeavoured to conceal or abate the peculiarity, it was sufficiently evident to Hester Prynne that one of this man's shoulders rose higher than the other." [2].

Гестер Прин — главный персонаж романа «Алой буквы» — самый сложный образ, который нелегко разгадать. Сложность состоит, в первую очередь, в том, что внутреннее его формирование опережает продвижение повествования. Судьбы Димсдейла и Чиллингуорта пересекаются, с определенными эпизодами социальной жизни XIX столетия, но сами эти персонажи бесспорно относятся XVII веку. С Гестер дело обстоит по-другому. Юная девушка, которую вывели из ворот тюрьмы к эшафоту, — дочь своего времени. Хотя Гестер Прин в последних главах романа легко могла бы стать сподвижницей выдающихся женщин XIX века — Мэри Уолстонкрафт, Маргарет Фуллер или Бичер Стоу [5].

"The young woman was tall, with a figure of perfect elegance on a large scale. She had dark and abundant hair, so glossy that it threw off the sunshine with a gleam; and a face which, besides being beautiful from regularity of feature and richness of complexion, had the impressiveness belonging to a marked brow and deep black eyes. She was ladylike, too, after the manner of the feminine gentility of those days; characterised by a certain state and dignity, rather than by the delicate, evanescent, and indescribable grace which is now recognised as its indication." [2].

Важным признаком, отличающая этот характер от «партнеров», — умение подняться. Димсдейл и Чиллингуорт деградируют и погибают, Гестер — противоположность, она наоборот движется вперед и вверх. Часто в эпизодах она изображена как романтическая героиня, которая умеет владеть свободной мыслью, способная на сильное чувство и готовая к борьбе за него. Такой герой был бы уместен в любом романе середины XIX века, посвященном проблеме Новой Женщины.

Но самое главное все же в другом — в «скользящей» авторской позиции, в непостоянстве на изображаемых явлениях и действиях, в отношении оценок.

В некоторых случаях явления и действия изображены с точки зрения бостонского обывателя середины XVII века, который верит в колдунов, ведьм, небесные знамения; в иных случаях писатель показывает их читателю в оценке просвещенного и прагматического XIX века, отрекшегося от множественных предрассудков и предубеждений пуританского прошлого; иногда читатель имеет дело с философическим, мудрым авторским взглядом, который словно сбежал из плена исторического времени, независимым от предрассудков XVII и ограничений XIX веков. Готорн не говорит читателю: «Так мы смотрим на дело сегодня», или: «Так считали наши далекие предки». Читатель все время находится в состоянии какой-то неопределенности, это и помогает открыть огромное пространства различным домыслам и случайным толкованиям [4].

Сам Н. Готорн назвал свой роман «Алая буква» психологическим и романтическим. И хотя ему самому больше нравился роман «Дом о семи фронтонах», поскольку он считал, что в этом романе раскрываются многие стороны его таланта, но ни одна из его книг не трогала его настолько, насколько первая. Многие обозреватели отмечали, что ни один из романов Готорна не сравнится с «Алой буквой» по степени воздействия на читателя, целостности и силе эмоций и впечатлений. Этот величайший роман принадлежит к классическим произведениям, которые затрагивают глубинные пласты бытия человека, заставляют сопереживать героям, чувствовать, восхищаться, поначалу даже не отдавая

себе отчета почему, и в то же время роман вмещает в себя философские, социально-этические и эстетические представления самого автора о жизни человеке [\[7, С. 41\]](#).

Библиография

1. Готорн, Н. Роман. Алая буква [Электронный ресурс]: // Н. Готорн. –Электронные данные. – Москва: Книжный мир, 1975. – 1418 с.
2. Ковалев Ю. В. Творчество Натаниэля Готорна. // Н. Готорн. Избранные произведения в 2-х тт. Л., Худ. лит., 2000, т. 1, – 17 с.
3. Мопассан Ги де. Статьи о писателях. М., 1957.
4. Указатель новейшей избранной литературы по поэтике / Сост. С. Балухатый // Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 2014
5. Colacurcio, Michael J. The Province of Piety. Moral History in Hawthorne's Early Tales. Cambridge, Mass., L., England, HarvardUniv. Press, 1984, – p. 13
6. Hawthorne N. The Marble Faun. N. Y. and Scarborough (Ontario), L., Signet Classics, 1961, – p. 317
7. Hawthorne N. The Scarlet Letter-USA, 1994, – p. 394